

И. Ю. Николаева

ИСТОРИЯ VS ЛИТЕРАТУРА: НОВЫЕ ПУТИ ДИАЛОГА

Представлен анализ новых возможностей диалога истории и литературы в свете современных методологических ресурсов гуманитарного знания. В качестве примера используется применение оригинальной технологии междисциплинарного синтеза к анализу ряда средневековых текстов.

Ключевые слова: *история, литература, «диалог», «средние века», «ценностные ориентации», «бессознательное», «новые технологии анализа».*

Как известно, поначалу Клио была общей музой и литературы и истории. Но, по мере того как историческое знание обретало профессиональные опоры, их пути все более и более расходились. Конечно, литература не была подвергнута полному остракизму как источник информации, но все чаще и чаще предъявлялись ей претензии, например, в субъективности авторов, в том, что они дают волю воображению etc. Частичная реабилитация этой отрасли гуманитаристики произошла в 60–70-е гг. XX в. И вписывалась она в общую тенденцию антропологизации истории. Отчасти это было связано с оценкой роли языка, его исследования для понимания истории. И хотя здесь больше шума наделала книга Хайдена Уайта «Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX в.» [1], сошлюсь на мнение Алана Дюпрона, чье имя уже по праву относят к числу классиков гуманитарной науки. Говоря об языке как феномене, отражающем сознание, А. Дюпрон отмечал, что «анализ синхронных “состояний” данной эпохи или среды обнаруживает взаимосвязь между различными системами выражения мысли». Контент-анализ языковых форм и их изменений в источниках в существенной степени компенсирует однозначность письменных источников. «Количественный» анализ языка может опираться на выявление устойчивых лексем, сведение их в определенный «corpus», выявление так называемых случайных лексем, которые в случае их возрастающей повторяемости будут свидетельствовать о трансформациях стоящих за ними ментальных кодов [2, с. 1–84]. К примеру, знакомство с результатами исследования Г. Гугенхеймом языковых форм «Песни о Роланде», а также с историко-культурологическими работами гуманитарной науки, свидетельствующими об одушевленной семантике оружия в раннесредневековых текстах, может служить отправной точкой для анализа трансформации этой семантической картины в зрелое Средневековье. Установив в трех таблицах по индексу «Песни о Роланде» словарь названий оружия, чувств и социальных положений, исследователь попытался выявить соотношение активных и пассивных элементов словаря в строго определенной семантической области [3, с. 244–245]. То, что

ранее выяснялось интуитивно, «наощупь», обрело контуры точного знания. Оружие воспринималось как активная ипостась бытования мира, оно имело волю, имя, воспринималось как существо одушевленное. Дальнейший анализ текстов более поздней эпохи в соотнесении с реалиями изменения повседневных занятий и картины мира городской среды может прояснить трансформацию семантического наполнения образа оружия в зрелое Средневековье.

Но не только и не столько этим важен «брачный союз» истории и литературы сегодня. Сегодняшнему историку в свете нарабатанного в его профессии знания, связанного с антропологическим поворотом, совершенно очевидно, что без реконструкции того эфира, которым дышит цивилизация, иными словами, социальной психологии и культурных идеалов, невозможно представить живое лицо истории. И это не для оживляжа. Ю. П. Малинин в свое время заметил: «Психология... сопричастна всем формам жизни и их эволюции. Поэтому исторический синтез, то есть синтез исторических знаний, возможен благодаря тщательному, всестороннему изучению именно социальной психологии, поскольку она представляет собой ту стихию, где в наиболее концентрированном виде соединились все особенности той или иной цивилизации» [4, с. 4–5].

В зависимости от состояния этого эфира мы можем судить о морально-нравственном состоянии общества, его ценностей как в действенном, так и в формально прокламируемом виде. Реконструировать эти процессы практически невозможно, минуя анализ литературы. Поэтому, перефразируя известного историка идей К. Бейкера, будет справедливым сказать, что историки должны выйти из своего гетто [5, с. 197], тем более очевидно, что стены его уже рухнули. Тем паче, что наличествующие сегодня инструменты полидисциплинарного знания дают для этого широкие возможности.

Начнем с возможности реконструкции идеалов. Нигде не прописано, каков режим корректной реконструкции идеала. Идеал означает и ценность. Последняя представляет собой не что иное, согласно теории установки Д. Узнадзе [6], как фиксиро-

ванную установку или отработанный стереотип, автоматизм, с помощью которого индивиду в рамках системы полей цивилизации, к которой он принадлежит, приходится решать «здесь и сейчас» каждодневные возникающие задачи. Этот автоматизм – результат многократно повторяющегося, причем успешно, при решении аналогичных задач опыта. Осознается это или нет. Часто вычленишь его сложно. По той простой причине, что они бывают тщательно скрыты под покровом неосознаваемого либо вытесняемого, репрессируемого сознанием. Поэтому, как говорил Фромм: «Любой психологический анализ чьих-либо индивидуальных мыслей или целой идеологии имеет задачей выявление психологических корней, из которых вырастают эти мысли или идеологии. Первым условием такого анализа является полное понимание логического контекста идеи, понимание того, что автор сознательно хотел высказать. Но мы знаем, что человек – даже если он субъективно искренен – зачастую руководствуется совсем не теми мотивами, которые сам он считает основой своего поведения... Более того, мы знаем, что человек может пытаться устранить противоречия в своих чувствах с помощью идеологической конструкции или прикрыть подавляемую им мысль такой рационализацией, в которой выражается прямо противоположная идея» [7, с. 65].

Приведем конкретные примеры возможности такого рода реконструкции. Речь пойдет об идеале избыточного мужества, свойственного средневековому сознанию. Знаменитые два текста дают возможность проанализировать генезис этих образов. Здесь собственно историк, вооруженный знанием других дисциплин, полагаясь на литературные источники, может сказать свое слово. Любой ценной рыцарь должен был доказать свою силу и мужество, даже ценой жизни. В «Песне о Роланде» [8] ее главный персонаж в критический момент отказывается протрубить в рог, чтобы позвать помощь (как советует Роланду его друг Оливье), для него важнее утвердить личную доблесть, доказать свою безоговорочную готовность сражаться до последней капли крови и гибнет. Причем постыдно прибегнуть к чьему-либо содействию. Чем сильнее и доблестней противник, тем больше собственная слава.

Этот комплекс установок, лежащий в основе рыцарского идеала, имел под собой «варварскую» составляющую – самоутверждение силы, закрепившейся в качестве ценностного императива поведения, так как социум мог оградить себя от врагов лишь при наличии того профессионального слоя воинов, готовых, по крайней мере, в идеале пожертвовать всем, даже жизнью, ради его благополучия. Данный идеал некоего избыточного му-

жества, доблести, героизма транслировался во многих других поведенческих императивах рыцарского поведения. Зазорно было сражаться со слабым или плохо вооруженным противником. И, напротив, особую честь можно было стяжать, выбирая заведомо сильного противника. Отсюда многочисленные обычаи рыцарского сословия – обычай обязанности равенства вооружения во время турнира, равенства вспомогательных сил во время поединка. Во время второго крестового похода Салладин, слышавший доблестным рыцарем, несмотря на принадлежность к врагам христианского мира, узнав, что под Ричардом Львиное Сердце пал конь, послал ему двух отменных скакунов. В «Песни о Нибелунгах» Зигфрид во время состязания в беге с Гунтером и Хагеном дает им фору: «За вами гнаться сзади / Я собираюсь в полном охотничьем наряде, / На руку щит повесив, с колчаном за спиной». В то время как бургундцы сняли одежду вплоть до сорочки, нидерландец, бежавший при полном вооружении, добрался до цели первым, продемонстрировав особую доблесть. В этом же месте текста другой герой – прославленный Дитрих Бернский, ранив в поединке врага, не менее доблестного Хагена, говорит про себя: «Тебя, – подумал бернец, – усталость доконала. / С тобой покончить просто, да чести в этом мало. / Хочу, чтоб достался ты, Хаген, мне живой, / И ради этого рискну, пожалуй, головой. / Отбросив щит, он вормса руками обхватил» [9, с. 16 авенюра].

Идеалы рыцарской героики, замешанные на необходимости постоянного подтверждения рыцарем собственной силы и мужества, имели смысловую параллель с традициями того, что именуется рыцарской авантюрой. В «Песни о Нибелунгах» основные герои этой рыцарской эпопеи постоянно находятся в поисках воинского самоутверждения – Зигфрид отправляется на войну против короля саксов, затем вместе с Гунтером в Исландию, где живет воительница и красавица Брюнхильда, победа над которой сулит славу и престижный брак для бургундского короля. Рыцарь постоянно должен следить за своим положением в обществе, это требовало от него все новых и новых побед, доказательств того, что ты имеешь право принадлежать к этому сословию. В романе Кретьена де Труа «Эрек и Энида» [10] влюбленный Эрек, разомлев от любовных утех на супружеском ложе, забывает о своем предназначении. Изменившееся отношение к Эреку окружающих заставляет Эниду напомнить мужу: «Теперь судачить всякий рад, / Простой и знатный, стар и млад, / Что будто ты не так уж смел / Изнежился и оробел». И Эрек собирается в дорогу, совершая многочисленные подвиги в поисках славных дел, которые должны были вернуть ему честное имя.

Подобного рода демонстраций избыточного мужества мы можем найти и в множестве других литературных традиций. Достаточно вспомнить «Слово о полку Игореве» или многочисленные примеры из индийской литературы [11]. Эта ценность находит подтверждение и в поговорках. Вспомним знаменитое святославо «Иду на вы» или же франкский аналог, когда противнику предлагали «выбрать поле».

Не продолжая этот бесчисленный ряд литературных примеров, попытаемся объяснить их в полидисциплинарном режиме технологии, имеющей фокусом бессознательное [12; 13, с. 93]. В условиях отсутствия сильной государственности (в силу целого ряда факторов, более выраженных в средневековой Западной Европе), в обстоятельствах примитивных обществ со скудными ресурсами, социум неосознанно, путем многочисленных проб и ошибок, иными словами, опыта, вырабатывал систему ценностей/идеалов, когда каждый мужчина племени должен был пожертвовать всем ради своего сообщества. Но это далеко не исчерпывающее природу названных идеалов обстоятельство.

На обыденном языке науки в человеке скрывается зверь, что проявляется во время боевой схватки. Любопытно, что пантеон богов уловил и отразил это представление. «Деяния данов» Саксона Грамматика и «Эдда» Снорри Стурлусона сходятся на том, что боги обладают магическим даром превращаться в животных. С близостью к животному миру связана, вероятно, и такая деталь, как понимание богами и некоторыми героями саг языка птиц и зверей. Так, Сигурд узнает язык птиц, съев сердце убитого им дракона, причастившись, таким образом, «драконьей природы».

Характер древнегерманских божеств также несет в себе черты неукротимости. Вотан (Один) весьма мало напоминает бога-олимпийца. Об этом свидетельствует само его имя. Корень его тот же, что и у слова «wut», которое означает «неистовство, исступление, одержимость». Адам Бременский подчеркивал «Вотан, сиречь бешенство» [14, с. 79].

Если же этот обыденный дискурс перевести в научный, то вырисовывается некая общая историко-психологическая модель названных ценностей. Начнем с того, что подчеркнем неразделимость природно-витального и психоэмоционального начал в конституировании воинственности на уровне единой нефиксированной установки личности. Этот трюизм может высветиться в несколько необычном свете при введении в расшифровку отмеченной связи параметра власти. Ее «живое лицо», а не просто некий институциональный абрис афористично определил еще Р. Барт: «...имя мне – легион – могла бы сказать власть... Власть гнездится везде, даже в недрах того самого прорыва к свободе, который жаждет ее искоренения» [15, с. 547]. Э. Фромм более точно формулирует ее социально-психологическую основу: «Власть – это не качество, которое человек “имеет”, как имеет какую-либо собственность или физическое качество. Власть является результатом межличностных взаимоотношений, при которых один человек смотрит на другого как на высшего». При этом Фромм разводит понятие рационального авторитета и власти, которая не поддается адекватной рационализации субъектами отношений [7, с. 142].

Иными словами, законы бессознательного наряду с природно-географическими, политическими реалиями примитивных обществ детерминировали ценностный ряд сознания их членов, к какому бы культурно-историческому ландшафту они не принадлежали. Автор данного текста попытался на чрезвычайно узкой хронопной источниковой площадке обозначить неизбежность возобновления диалога истории и литературы, но уже на новом уровне науки, накопленного инструментария другими областями гуманитаристики, позволяющей не просто интерпретировать, но анализировать, как сказал бы Ю. М. Лотман, «живое лицо истории». Этим текстом автор надеется пригласить коллег по ремеслу, будь-то историки или филологи, к разговору на эту важнейшую для нашей науки тему.

Список литературы

1. White H. *Metahistory. The historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore; London: Oxford Univ. Press, 1973. 569 p.
2. Дюпрон А. Язык и история // XIII Междунар. конгресс ист. наук. М.: ИВИ РАН, 1970. 85 с.
3. Николаева И. Ю. Информационное обеспечение преподавания курса истории средних веков и проблемы синтеза методологий гуманитарного знания // Единство гуманитарного знания: новый синтез. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 244–247.
4. Малинин Ю. П. Общественно-политическая жизнь позднесредневековой Франции XIV–XV века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2000. 237 с.
5. Baker K. M. On the problem of the ideological origins of the french revolution // *Modern European Intellectual History: Reappraisals and Perspectives* / ed. by Lacapra and S. L. Kaplan. Ithaca and L.: Cornell University Press, 1982. 342 p.
6. Узнадзе Д. Н. Психология установки. Москва, Харьков, Минск, СПб., 2001. 448 с.
7. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. 272 с.
8. Песнь о Роланде. Коронавание Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро // Библиотека Всемирной Литературы. Т. 10. М.: Худож. лит., 1976. 666 с.

9. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах // Библиотека Всемирной Литературы. Т. 1. М.: Худож. лит., 1975.
10. Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. Изд-во: Наука. Серия: Литер. памятники, 1980. 512 с.
11. Ванина Е. Ю. Средневековое мышление: индийский вариант. М.: Изд-во Вост. лит., 2007. 375 с.
12. Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 410 с.
13. Николаева И. Ю. Архаика и гендерные коды культуры в свете исследования бессознательного // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 52. С. 92–98.
14. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства: М.: Прогресс, 1987. 384 с.
15. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 616.

Николаева И. Ю., доктор исторических наук, профессор кафедры.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: percka@mail.ru

Материал поступил в редакцию 08.04.2013.

I. Y. Nikolaeva

HISTORY VS LITERATURE: THE NEW WAYS OF DIALOGUE

The article is devoted to analyzing the new possibilities of dialogue between history and literature in the focus of modern methodological resources of the humanities. As example there was used an application of original interdisciplinary technology to analyze medieval texts.

Key words: *literature, history, dialogue, The Middle Ages, valuable orientations, unconscious, new technologies of analysis.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: percka@mail.ru